
ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ 1753 год

Отъезд Елисаветы в Москву и положение этой столицы. - Пожар в Головинском дворце. - Постройка нового дворца. - Заговор Батурина. - Крестьянские волнения. - Осторожность относительно пытки. - Распоряжения по поводу отмены смертной казни. - Меры против проволочки дел. - Финансовые меры. - Учреждение банка для дворянства. - Уничтожение внутренних таможен. - Заботы о шелковом производстве. - Дела на окраинах. - Сближение канцлера Бестужева с великою княгиней. - Назначение нового канцлера в Вене, графа Кауница, и отзыв о нем Кейзерлинга. - Затруднительное положение русского министра Гросса в Дрездене вследствие ссоры польско-саксонского правительства с князьями Чарторыйскими. - Деятельность Гросса по делу о православных в Польше. - Переговоры по поводу наследства польского престола. - Переговоры относительно Пруссии. - Отношения шведские отходят на второй план. - Начало переговоров с Англиею о субсидиях. - Дела турецкие.

Проходил трехлетний срок, и в конце 1752 года Елисавета начала собираться в Москву. На этот раз она хотела посещать и старый Кремль, почему летом 1752 года в нем назначены были переделки и новые постройки: архитекторы определили сломать палатки, которые были приделаны к Столовой палате и в которых сидели секретари и приказные служители Сенатской конторы. Но следствием этой сломки и вывода Сенатской конторы был целый ряд перемещений: под канцелярию Сената велено было взять верхние покои Вотчинной коллегии и конторы Главного комиссариата, а нижние, под Комиссариатскую конторою и под Юстиц-коллегиею, палаты взять под сенатский архив с Печатною конторою и типографиею; Вотчинную коллегию перевести в нижние департаменты Берг - и Мануфактур-коллегии; а Комиссариатскую контору поместить в тех покоях, где был Судный приказ; Судный приказ вывести туда, где был Сыскной приказ, а последний с колодниками перевести на житный двор у калужских ворот; в Кремле острог и казармы в Сыском приказе немедленно сломать и построить их на калужском житном дворе и вперед в находящихся в Москве в Кремле коллегиях, канцеляриях и конторах колодников отнюдь не держать, отсылать их в новый острог на калужском житном дворе или держать в других пристойных местах, кроме Кремля; Ямскую контору перевести в Охотный ряд в палаты, где была Полицмейстерская канцелярия, и вместе с Ямскою конторою там же уместить Раскольническую контору и школу, в которой обучаются архитектории ученики; а в те покои, где была Ямская контора, перевести разрядный архив; находящихся при Сенате офицеров геодезии и

геодезистов, также и школу, в которой обучаются коллегии юнкеры, перевести в палаты под Ивановскою колокольнею, где был глобус.

Но прежде всего нужно было очистить Кремль; подле Успенского и Благовещенского соборов, пред Грановитою палатою и у Красного крыльца были наложены груды кирпича и других припасов, но, кроме того, щебню, разбитых колоколов и всякого сора было такое множество, что с большим трудом можно было проходить. Сенат предписал своей конторе распорядиться немедленно уборкою всего этого: "Исполнить самым делом, а не через переписку", иначе контора будет отвечать.

Несмотря на свой печальный вид, медленность, с какою оправлялась после пожаров, Москва по центральности своего положения, выгодного в промышленном и торговом отношении, привлекала к себе много людей, которым нужно было запастись и предметами роскоши, и хорошими и дешевыми съестными припасами, и полечиться у хорошего медика, и купить книжек в академической лавке. Пуд печеного ржаного хлеба стоил в Москве 26 копеек, пшеничного - 64, пуд масла коровья - 2 рубля 14 копеек, постного - 19 копеек ведро, пуд говядины - 12 копеек, сажень дров березовых трехаршинных - 1 рубль 60 копеек, пуд оловянной посуды - 12 рублей. Люди, которые не могли иметь крепостных слуг, платили работнице в год по 3 рубля. Лучшее иностранное вино получалось в погребе Маменторфа; в это время вместо венгерского вина начало входить в моду шампанское, которого бутылка стоила в Москве 1 рубль 30 копеек. Фунт чаю стоил 2 рубля, пуд сахару - 7 рублей 50 копеек, кожа - 5 рублей, пуд осетров - 1 рубль, пуд белуги - 80 копеек, пуд икры - 2 рубля 80 копеек, пуд меду - 1 рубль 20 копеек, воску - 8 рублей 50 копеек, пуд ветчины - 50 копеек. Известный доктор Монси брал по 15 червонных за лечение серьезных болезней.

18 сентября 1752 года императрица изволила указать, что намерена в будущем декабре отправиться в Москву, куда, должны следовать Синод, Сенат, коллегии Иностранная, Военная, Штатс-контора, Главная полицмейстерская канцелярия, Дворцовая, Монетная, Ямская, Придворная и Конюшенная конторы и другие места, которые в 1748 году ездили из Петербурга в Москву. 16 декабря Елисавета выехала в Москву, куда приехала 19 числа. В Петербурге главноуправляющим остался сенатор адмирал князь Мих. Мих. Голицын.

К Головинскому двору (т. е. дому, ибо слово дворец тогда еще не употреблялось), где, по обычаю, поместилась императрица в Москве, приделан был осенью деревянный флигель для великого князя и великой княгини. Флигель этот, состоявший из 12 больших комнат, оказался чрезвычайно сыр и неудобен, например, в уборной комнате великой княгини были помещены ее придворные девицы и дамы с их прислугою, всего 17 человек, у которых был один выход - через спальню великой княгини. Императрица, пришедши к великой княгине и увидя, что двери ее

спальни беспрестанно то отворяются, то затворяются, служа единственным выходом для 17 человек, велела сделать в их комнате дверь из окна с лестницей на улицу, и бедные дамы должны были за всякою безделицею путешествовать по улице. От тесноты в соседней комнате и спальня великой княгини была наполнена насекомыми разного рода, которые не давали спать.

С восстановлением Кремлевского дворца было много хлопот; архитекторы князь Ухтомский и Евлашев подали планы этого дворца при своих мнениях, что некоторые покои, которые находятся за золотой решеткой, также площадки и под ними погребка так обветшали и большею частью обвалились, что и для осмотра в те места войти нельзя, надобно их разобрать до самых нижних фундаментов и на место разобранного строения никакому уже не быть для предохранения других покоев, потому что строением так затеснено, что в нижние покои и воздух проходить не может. Обер-архитектор Растрелли, осмотрев дворец, согласился с мнением кн. Ухтомского и Евлашева.

В Кремле и Китае-городе запрещено было строить деревянные здания и существующие велено сломать; но надобно было позаботиться о материале для каменных зданий. Генерал-прокурор предложил Сенату отдать кирпичные заводы в ведомство Московской губернской канцелярии, которая должна неослабно смотреть, чтоб кирпича производили все больше и больше и чтоб делали и обжигали его прочно, особенно же чтоб заводчики не возвышали цены. Вслед за этим предложением архитектор кн. Ухтомский донес, что летом велено производить разные казенные строения, в Немецкой слободе отстраивать для Сенатской канцелярии Лестоков дом, в Кремле - сенатское помещение, собор Николы Гостунского, Никитский монастырь, для чего надобно кирпича 900000; на кирпичных заводах, что под Донским монастырем, налицо жженого кирпича до миллиона, необожженного - более четырех миллионов; но заведывающий дворцовым строением генерал-майор Давыдов запретил трогать этот кирпич, как предназначенный на дворцовое строение, и к заводам приставлен караул. Ухтомский просил на означенные казенные строения взять кирпич от разобранных стен Белого города. Сенат согласился.

Но прежде всего надобно было пообчистить древнюю столицу, в которую благодаря долговременному пребыванию двора поехали представители иностранных держав. Генерал-прокурор объявил в Сенате, что сам видел он в Китае-городе близ Триумфальных синодальных ворот на Никольской улице пустые каменные лавки иконного ряда, наполненные счищенным с улицы навозом и грязью, отчего распространяется дурной запах. Сенат приказал очистить лавки. Затем тот же генерал-прокурор объявил, что в Кремле, на Ивановской площади, и при коллегиях, также около Ивановской колокольни страшная нечистота и грязь; послали указы с крепким подтверждением, чтоб грязь была очищена немедленно и вперед

не заводилась. Сама императрица приказала Триумфальные синодальные ворота на Никольской улице разобрать, а украшениями их убрать Воскресенские ворота, особенно сделать пристойное украшение около того места, где стоит образ Богородицы (Иверския); около Ивана Великого сажен до 20 сделать плитную площадь и украсить приличными решетками, чтоб внутрь могли ходить только пешие; деревянное строение около церкви Казанской Богородицы (на Никольской) отобрать; примечать такие места, где скрываются воры и тому подобные люди, очистить их и сделать ворота с запорами; кабак, который стоит у Каменного моста (на Рву) к Никольским в Кремле воротам, немедленно снять и поставить в другом месте.

Синодальные Триумфальные ворота, т. е. построенные Синодом ко дню коронации, велено сломать; но красные Триумфальные ворота, сгоревшие в пожар 1748 года, велено возобновить в прежнем виде и на прежнем месте архитектору кн. Ухтомскому, для чего Штатс-контора должна была отпустить 16000 рублей. Где по улицам было старое каменное и деревянное строение и за уступкою заборов во двор выдалось на улицу, велено сломать, а вместо старых, построенных к улицам заборов сделать хорошие решетки. Находящиеся против иконного ряда к Спасскому монастырю каменные лавки и ступени, которыми улица так стеснена, что двум каретам едва проехать можно, велено сломать, а вместо того сделать каменную стенку на счет синодальной Экономической канцелярии. Велено сломать у Пречистенских ворот каменные лавки, которые все обветшали и набросана в них всякая нечистота и мерзость; по большим улицам в лавках наружно запрещено торговать гробами и прочею неприличностью, а пусть держат это внутри лавок.

Нижегородский крестьянин часовой мастер Семен Иванов подал прошение, что часы на Спасской башне ходят очень неисправно; он может их исправить, если его определят к этим часам часовым мастером, и обязывается всякие починки делать из одного годового жалованья, почем прежним мастерам давалось от губернской канцелярии. Губернская канцелярия донесла, что за неимением часового мастера держится часовщиком мастерской Оружейной палаты медного дела Паникадильщиков, который за неспособностью и пьянством был и отрешен от этой должности, но за смертью часового мастера по необходимости опять определен, а жалованья получает по тридцати рублей в год. Сенат приказал отдать часы Семену Иванову до будущего усмотрения.

Велели засыпать колодези на больших улицах и вместо них вырыть на дворах, сломать лубье; запрещено крыть дома соломою. Печальное состояние знаменитого Покровского собора (Василия Блаженного) заставило императрицу дать указ Синоду: так как в Покровском соборе усмотрена крайняя нечистота, иконостасы и св. иконы все обветшали и с икон лики святых послиняли, а можно думать, и в прочих церквях такое же

несмотрение, то пусть Св. Синод пошлет всюду указы наблюдать в церквях чистоту, поновлять иконостасы и св. иконы.

Но в то время как старались очищать и украшать Москву, 1 ноября огонь истребил обширный Головинский дворец, единственное здание, способное для императорского помещения, хотя мы видели, как удобно помещались в нем великий князь и великая княгиня. Здание, несмотря на свою обширность, было деревянное, и в три часа его как не было. Императрица переехала в Покровский дворец; великий князь и великая княгиня были помещены в одном из больших домов Немецкой слободы: этот большой по-тогдашнему дом состоял из девяти комнат, по которым ветер гулял свободно, вследствие того что рамы и двери наполовину сгнили, между половицами были щели от трех до четырех пальцев, клопы и тараканы царствовали повсюду.

Решено было немедленно же приступить к построению нового дворца на месте сгоревшего. Строение было поручено генерал-прокурору Трубецкому и сенатору Петру Ив. Шувалову; Сенат распорядился, чтоб высланы были в Москву как можно скорее на ямских и уездных подводах из Ярославля 300 плотников, 70 каменщиков, 30 печников; из Галича - 200 плотников с выбором самых лучших мастеров; все частные плотничные работы в Москве запрещены; плотники получали при дворцовом строении 25 копеек, а лучшие - 30 на день; столяры - 30 копеек, а лучшие - до 40; деньги выдавались понедельно без задержки, о чем и было опубликовано. Для возки лесных припасов велено собрать с Московского уезда подводы - со ста душ по лошади с роспусками и по человеку с топорами. Через несколько дней нашли, что можно удовольствоваться находящимися налицо в Москве плотниками, и послали указы в Ярославль и другие города, что если плотники не высланы, то не высылать, а каменщиков и печников выслать; выслать также штукатуров из Ярославля и Костромы, по 50 человек из каждого города; во Владимире велено заготовить доски сосновые, вялые и сухие.

Пребывание императрицы в Москве ознаменовано было еще другою неприятностью. Летом великий князь Петр Федорович очень часто был на охоте. Однажды в разговоре егеря сказали ему, что в Бутырском полку есть подпоручик Иоасаф Батулин, который чрезвычайно предан его императорскому высочеству и говорит, что весь полк отличается тою же преданностью. Великому князю было очень приятно это известие, и он стал расспрашивать у егерей подробности о Бутырском полку. В другой раз егеря объявили великому князю, что Батулин просит позволения представиться ему на охоте. Сначала великий князь колебался, но потом согласился, и однажды, когда великий князь на охоте в лесу отъехал от свиты, является перед ним Батулин, бросается на колена и клянется, что признает его своим государем и готов исполнить все, что его высочество ему прикажет. Испуганный этими словами, великий князь пришпорил лошадь и скрылся из виду Батулина. Но через несколько

времени те же егеря испугали его известием, что Батури́н схвачен и находится в Тайной канцелярии.

Еще в 1749 году в Военной коллегии под арестом содержался *праздношатающийся* подпоручик Ширванского пехотного полка Иоасаф Батури́н. Этот праздношатающийся подпоручик - игрок, обремененный долгами, вздумал выйти из своего затруднительного положения государственным переворотом, низвержением с престола Елисаветы и возведением на ее место великого князя Петра Федоровича. Любопытно, что в это самое время начали распускаться обвинения против Алексея Григ. Разумовского с целью выставить великого князя Петра жертвою злобного фаворита и таким образом возбудить к нему сострадание в народе. Разглашали, что Разумовский составил команду из своих малороссиян, которые губили русских; вывез из дворца старинные вещи прежних царей и отослал к матери, которая отослала их в подарок в Польшу; великого князя Петра шесть раз приводил к смерти; держит при себе волшебников-малороссиян (потому что у них в Малой России много волшебников), которые остудили наследника с императрицею. Начальники новой скопческой ереси также с своей точки зрения вооружались против Разумовского; сильные выходки против него делал в своих писаниях Кюменегорского полка прапорщик Иван Попов, толковавший, что великий князь Петр возлюбил последователей старого благочестия, при нем не будет войны; у Петра будет сын, также Петр, воин сильный, который будет царствовать в Мосохе, т. е. в Москве, и будет называться князь Розгимосох; жена у него будет Елена, рожденная в селе близ моря-океана, в северной стране, из простого народа; потомства у этого Петра не будет, потому что Елена не будет с ним жить по брачному обычаю и скоро умрет; а Петр другой жены себе не возьмет, станет ходить по заповедям господним; Петр будет и в Иерусалиме, но умрет в России. При Елисавете малое число избранных гонимо будет едва не вконец. Если б первый царевич (Алексей Петрович) не был убит, то благочестие господствовало бы до конца света.

Подобно прапорщику Попову, и подпоручик Батури́н счел нужным для своих целей вооружиться против Разумовского. Он подговорил прапорщика Ржевского, вахмистра Урнежевского, подпоручика Тыртова, гренадеров Худышкина и Кетова, двух пикеров дворцовой псовой охоты и суконщика Кенжина; уговаривал пикеров доложить великому князю, что может он, Батури́н, подговорить к бунту всех фабричных, также находящийся в Москве Преображенский батальон и лейб-компанцев. "Только бы его высочество дал нам знатную сумму денег, - говорил Батури́н, - то заарестуем весь дворец и Алексея Разумовского, где ни найдем, с его единомышленниками - всех в мелкие части изрубим за то, что от Разумовского долго коронации нет его высочеству; а государыню до тех пор из дворца не выпустим, пока великий князь коронован не будет. И если на эту коронацию не согласятся архиереи, то мы принудим их силою, вытащим, где бы они ни были; станут противиться, то я сам архиерею голову отрублю, а если бунтом нейти, то его высочеству коронации

никогда не бывать, потому что Алексей Григорьевич не допускает; поэтому я соберу хотя небольшое число людей, наряжу их в маски, и, поймав Разумовского на охоте, изрубим или другим способом смерти его искать будем. У меня уже собрано людей тысяч тридцать, да и еще наготове тысяч с двадцать; будут нам помогать и большие люди: граф Бестужев, генерал Апраксин".

Суконщику Кенжину Батуриным внушал, чтоб тот подговаривал всех фабричных к бунту, шел с ними во дворец, захватил государыню со всем двором и графа Разумовского убил; при этом Батуриным обнадёживал Кенжина выдачею суконщикам заработанных денег и награждением, говорил, что он послан великим князем к одному купцу взять 5000 рублей денег и раздать фабричным. Тыртову Батуриным говорил, что у него фабричных с тридцать тысяч, с ними нагрянет ночью на дворец, государыню и весь двор заарестует, Разумовского публично убьет: "Есть у меня именной указ великого князя убить Разумовского". Гренадерам Худышкину и Кетову Батуриным говорил: "Вот мы хотим короновать его императорское высочество, будьте к тому склонны и объявите своей братья гренадерам: которые будут к тому склонны, тех его высочество пожалует капитанскими рангами и будут на капитанском жалованье, как теперь лейб-компания". Батуриным, Урнежевский, Тыртов и гренадеры прикладывались к образу, клянясь, что если кто-нибудь из них куда попадет, то не скажет ничего о заговоре.

Но прежде всего нужны были деньги, и Батуриным с Урнежевским отправились к купцу Ефиму Лукину; Батуриным назвался обер-кабинет-курьером и объявил, что прислан от великого князя с приказом взять у него, Лукина, денег 5000 рублей. Лукин отвечал, что недавно приехал из Петербурга, великого князя не видал, а не выдав его, денег не даст. Тогда Батуриным написал к великому князю записку латинскими буквами, где открывал о своем намерении, хвалясь, что у него готово 50000 людей. Суконщик Кенжин уже начал подговаривать своих к бунту, что, по его словам, было сделать легко, потому что все суконщики, да и другие фабричные были обижены своими хозяевами, которые не выплачивали им задельных денег.

На доклад о деле Батурина резолюции императрицы не последовало. Худышкин и Кетов посланы были в крепостную работу в Рогервик; Тыртов и Кенжин - в Сибирь на вечное житье; а Батурина велено содержать в Шлюссельбурге.

Между крестьянами продолжались волнения и в этом году. Московского уезда села Павловского крестьяне донесли на управителя Ивана и прикащика Алексея Матинских, что они из-за взяток запустили доимку и отобрали сборщиковы книги. Назначенная по этому делу комиссия донесла, что крестьяне жаловались напрасно: в излишних сборах виноваты их выборные старосты и сборщики; Матинские виноваты только в том, что

взяли себе в почесть 160 рублей. Сенатская контора на этом основании решила: с крестьян доимку взыскать, да и с Матинских взять 160 рублей в счет этой доимки; но когда был послан в Павловское указ об этом, то из крестьян человек до 300, выслушав указ, отреклись повиноваться и объявили, что у них все деньги на Матинских, и не 160 рублей, а близ 3000, что судом они недовольны и пойдут все поголовно в Сенат, а деревни Чесноковой крестьянин Еремеев называл поручика, объявлявшего указ, разорителем, за что поручик посадил его под караул и на другой день при собрании всей волости хотел наказать батогами; но крестьяне не выдали Еремеева, бранили поручика и команду, солдат всех по рукам разобрали и многих перебили; управителя и прикащика всячески ругали и хотели вытащить из сеней и бить, также и земскому от вотчинных дел отказали. Сенатская контора послала с указом своего солдата; но крестьяне не допустили священников расписаться в приеме указа, с двора от прикащика согнали и закричали единогласно: "Мы по этому указу денег платить не станем до тех пор, как дождемся из Петербурга посланных от всей волости просителей". Сенат велел старост и крестьян, главных виновников непослушания, забрать в Москву, исследовать и тех, кто явятся заводчиками, бить кнутом, а прочих высечь плетьюми нещадно. Оказалось по следствию достойными кнута 17 человек выборных старост и крестьян; для наказания плетьюми остальных отправлена была команда во 100 человек, чтоб не произошло "вящих каких противностей".

Сенат лишил всех чинов с неопределением впредь ни к каким должностям воеводу, уличенного в поноровке возмутившимся крестьянам: крестьяне села Сороколетова, приписные к заводу тульского купца Лугинина, возмутились и, чтоб быть безопасными со стороны местных властей, послали белевскому воеводе Жедринскому 5 рублей денег; но скоро от воеводы приехал к ним денщик с такими речами: "Если дадите еще 6 рублей, то не опасайтесь". Крестьяне дали 6 рублей воеводе да денщику 2 рубля. После того староста их с другим крестьянином, приехавши в Белев, были у воеводы, объявили ему, что не слушаются Лугинина, на работу к нему нейдут, и дали воеводе 2 рубля да 2 четверти овса, и он велел им подать доношение, а под караул не взял, хотя уже от Лугинина была подана просьба. Когда крестьяне уже прогнали посланную против них команду, староста их был у воеводы по делу о выборе уездных соцких и пятидесяцких, принес денег рубль да барана; воевода и тут не задержал его.

Наказывая воеводу, который мирволил бунтовавшим крестьянам, Сенат в то же время объявлял, что он знает о притеснениях, которые делаются крестьянам, и грозил наказанием притеснителям: "Понеже Сенату известно учинилось, что в губернских, провинциальных и воеводских канцеляриях при даче крестьянам покормежных печатных паспортов чинится великая волокита и берут взятки, того ради приказали подтвердить накрепчайшими указами, чтоб впредь ни малой волокиты, приметок и задержек чинено не было под опасением немалого истязания и штрафа. Понеже Сенату небызвестно, что при взятии с крестьян подушных денег

определенные к тем сборам чинят великие волокиты и берут взятки, то приказали подтвердить наикрепчайшими указами, чтоб не дерзали так поступать".

Действуя в духе времени, в духе царствования, Сенат при следствиях о крестьянских возмущениях соблюдал осторожность относительно пыток. Подполковник Лялин, находившийся в Брянске у следствия над беглыми крестьянами Гончарова, писал, что виновные крестьяне и прикосновенные к делу посадские и прочие чины, зная, что по указу Сената розыска делать не велено, правды не говорят и только время продолжают; Лялин спрашивал, как с такими поступать, пытать их или пристрачивать батогами. Сенат отвечал: кто именно по доказательствам в противностях оказались подлежащими пытке и по каким подлинным обстоятельствам и правильным резонам, о том, сделав экстракт, показав о каждом человеке порознь с выписками приличных указов и с приложением собственного мнения, прислать в Сенат на рассмотрение, ибо без того точного решения положить нельзя.

Любопытен также доклад Сената императрице по поводу знаменитого указа 1744 года. "По этому указу, - пишет Сенат, - все натуральной и политической смерти экзекуции остановлены и повелено о таких осуждениях докладывать вашему им. величеству. О таких колодниках присланы в Сенат экстракты: об осужденных на натуральную смерть за смертные убийства о 110 человеках; за воровства, разбои и прочие вины о 169 человеках да об осужденных же за разные вины с вырезанием ноздрей на каторгу вечно о 151 человеке, итого о 430 человеках. Да по присланным же в Сенат от прокуроров и из некоторых команд и от ревизоров рапортам (кроме тех мест, где прокуроров не определено, и провинций, и приписных городов, и некоторых же воинских команд) показано содержащихся колодников 3579 человек, о которых дела следствием и розысками еще не окончены, из которых Сенат уповает, и осужденным на натуральную и политическую смерть и с вырезыванием ноздрей вечно на каторгу быть немалому числу, да и всегда оные быть могут, которые все собственному вашему импер. величеству рассмотрению подлежать будут. А понеже ваше имп. величество и кроме оногo как иностранными, так и внутренними о распорядках государственных и прочих делами высочайшею своею персоною довольно утруждены; к тому ж ежели и о вышеписанных колодниках, а именно о каждом вашему импер. величеству от Сената докладывать, то никак время к тому доставать не будет, и колодники час от часу будут умножаться и между тем чинить утечки и караульных приводить к пыткам и наказаниям, что уже действительно в некоторых местах по делам и оказалось; ведая же Сенат совершенно высочайшее соизволение, чтоб и за смертные преступления натуральною смертью никого не казнить, того ради всеподданнейше Сенат просит, не соизволит ли ваше импер. величество высочайший свой указ единожды пожаловать, какое вышеозначенным колодникам наказание чинить. Притом же Сенат приемлет смелость и то донести, ежели ваше импер. величество соизволите

указать за смертные убийства такое наказание чинить, как в указе за убийство и грабеж шведских подданных учинить повелено, а именно отсечь по правой руке и, вырезав ноздри, ссылатъ в вечную работу, но такие безрукие ни к каким уже работам действительны быть не могут, но токмо туне получать себе будут пропитание. Того ради не соизволит ли ваше импер. величество повелеть подлежащих к натуральной смертной казни, чиня жестокое наказание кнутом и вырезав ноздри, поставить на лбу В, а на щеках - на одной О, а на другой Р и, заклепав в ножные кандалы, в которых быть им до смерти их, посылать в вечную тяжелую и всегдашнюю работу, а рук у них не сечь, дабы они способнее в работу употребляемы быть могли". На доклад последовала такая резолюция: "Быть по сему; токмо женам и детям осужденных в вечную работу или в ссылку и в заточение по силе указа отца нашего 1720 года августа 16 дня давать свободу, кто из них похочет жить в своих приданных деревнях: буде же из таковых жен пожелает которая идти замуж, таковым с соизволения Синода давать свободу, а для пропитания их и детей их давать из недвижимого и движимого мужей их имения указную часть".

Число арестантов усиливалось также проволочкою следственных комиссий вследствие того, что обвиняемые подавали беспрестанно подозрения на лиц, назначенных к присутствию в комиссиях именно с целью протянуть следствие в бесконечность. Петр Ив. Шувалов, поставив это на вид Сенату, предложил навести справку, сколько со вступления на престол Елисаветы учреждено следственных комиссий и сколько из них приведено к окончанию; в тех, которые продолжаются, сколько по подозрению, поданному об обвиняемых, переменено следователей: причина продолжительности комиссий откроется, окажется, что злодеи вымышленными доносами не допускают их до окончания; а когда откроется причина, то можно будет ее пресечь, этим число ложных доносителей уменьшится, а невинные будут свободны от напрасного мучительства и разорения. Сенат согласился.

По донесению прокурора в Судном приказе течение дел остановилось за несогласием присутствующих. Сенат поручил Юстиц-коллегии наблюдать над Судным приказом, чтоб течение дел в нем не останавливалось. Сенат должен был вооружиться против преступления, уже предусмотренного Уложением и последующими указами, повелевавшими, чтоб истцу и ответчику перед судьями искать и отвечать вежливо, смиренно, не шумно, никого не злословить, не укорять каким бы то ни было касающимся чести оклеветанием. Но теперь в челобитной, поданной в Юстиц-канцелярию, мичман Никита Пушкин назвал противника своего комиссара Крекшина известным вором и проклятым матерью сыном, а Крекшин Пушкина в своей челобитной назвал вором и смертоубийцею, чего оба доказать не могли. Сенат приказал посадить обоих на месяц в тюрьму и опубликовать во всенародное известие, чтоб другие не смели того же делать.

Проволочка дел была невыгодна и в финансовом отношении, замедляла сбор пошлин. Петр Ив. Шувалов в то же заседание, когда жаловался на проволочку следственных комиссий, представил, что в судебных местах полагаются с исков пошлины, но все ли они взысканы или не взысканы и нет ли в том какого упущения - о том неизвестно; так не угодно ли будет из всех находящихся в Москве судебных мест собрать ведомости, сколько положено взыскать пошлин и сколько их взыскано, и которые остались не взысканными, то зачем? Сенат, разумеется, согласился.

Мы видели, как чрез отыскание нового источника добывания соли уничтожено было затруднение относительно добывания и доставки пермской соли. Теперь нашли возможным старорусские соляные заводы, на которые в Новгородской губернии дров готовилось по 120000 сажень, а соли вываривалось до 216813 пудов в год, для избежания трат лесов вовсе уничтожить, а Петербург, Кронштадт, Шлюссельбург, Новгород, Ладогу, Луки Великие, Торопец, Псков, Тихвин, Порхов довольствоваться одною пермскою солью, которая уже не шла в другие места, довольствуемые элтонскою солью. Но надобно было постоянно бороться с препятствиями в доставке элтонской соли по общим условиям русской народной жизни и по местным условиям восточной украины. Соляные подрядчики подали жалобу: наемные на соляные суда рабочие, взяв у них наперед задатки и не вступя в работу, а другие, оставя в пути суда с казенною солью и покинув свои паспорта, убегают. Рабочие выдумали такой способ: договариваются они с подрядчиками на все лето рублей за десять и больше, и в то число по тамошнему обыкновению непременно берут наперед в задаток половину, а другая половина оставляется им на пищу, порук же по себе никаких не имеют, кроме того что отдают хозяевам печатные свои паспорта, а потом увидели они, что им по окончании лета и по поднятии тяжкой работы из остальной половины в дома свои уже принести нельзя столько, сколько наперед задатку берут, и рассудили, что лучше сначала, ничего не работав, возвращаться домой с пятью рублями, чем, пропустя лето, с малою прибылью; печатные же паспорта оставить у хозяев им никакого страха нет, ибо, когда возвращаются домой, никто у них не спрашивает, где они были и паспорта свои где оставили. Иные из них пошли в воровство, разбивают суда и отнимают у работников паспорта, у одного человека паспорта по два и по три, с которыми вторично и третично в работы нанимаются для получения несколько раз задатка; подрядчикам от этого разоренье и соляному промыслу остановка, ибо рабочие уже не по 5 и 10, а по 70 человек с одного судна бегают. Сенат приказал ловить беглых, бить плетями и определять на суда к зарабатыванию подрядной платы; но легко ли было исполнить это приказание?

Не действительнее было распоряжение Сената и по жалобе соляного элтонского комиссарства, которое доносило: летом вольные поставщики соли с Элтонского озера в саратовские и дмитровские магазины подвергались грабительству от кочующих по луговой стороне калмыков, которые отгоняли у них лошадей, волов и делали другие наглые

озорничества, и опасно, чтоб этими грабительствами не отвратить охотников от вывозки соли. Писали к находящемуся у калмыцких дел полковнику Спицыну, а тот отвечает, что за непоказанием, чьих именно улусов пограбившие калмыки, взыскать не бессумнительно и для того бы, впредь разведав, писать обстоятельно, какого подлинно владельца калмыки разбойничали. Но такой ответ Спицына никакой пользы принести не может, ибо в случае воровства узнать никак нельзя, какому зайсангу принадлежат вору, калмыков по луговой стороне кочует множество; они русским людям, которых грабят, о себе не скажут, а грабленным, будучи от них в смертном страхе, о именах их и о владельцах по рожам их узнавать невозможно. Да хотя бы от калмыков и грабительств не было, то не следует им кочевать вблизи той дороги, которою за солью ездят, потому что в соляном сборе бывает множество волов и лошадей, которым надобен полевой корм, и от калмыцкого кочевья и потрав русские люди, едущие за солью, терпят большую нужду. Сенат приказал написать наместнику Калмыцкого ханства, чтоб грабительств не было и пограбленное было возвращено; о том же, допускать ли калмыков до кочевья, решить в коллегии Иностранных дел.

С другим казенным товаром, вином, было немало забот по причине корчемства. Ассессор Надеин донес, что по известиям о находящихся близ города Карачева винокуренных частных заводах ездил он для искоренения корчемства с командою, состоявшею из 12 человек гусар, но при осмотре винокуренных заводов напало на него человек более 100 с винокуренным заводчиком Морякиным и одного гусара убили; Надеин стал отстреливаться, но толпа все увеличивалась подходившими из лесу людьми: на помощь к разбойникам приехал и карачевской таможи выборный ларечный Бочаров с целовальниками, человек более 30: с крайнею нуждою Надеин ушел в Карачев и немедленно потребовал от воеводы прибавочной команды, но тот не дал.

Несмотря на затруднения при продаже соли, в 1753 году отчислено было прибыльных, денег в пользу положенных в подушный оклад 326000 рублей, вследствие чего с каждой души велено было собирать пятью копейками менее. К концу года на монетных дворах в Москве и Петербурге было золота и серебра 1597161 рубль 84 коп.

Мы видели, что в 1733 году императрица Анна велела Монетной конторе давать займы деньги всякого чина людям за 8 процентов в год с залогом в золоте или серебре. После некоторые другие учреждения начали делать то же для увеличения своих доходов: но как видно, эти ссуды были незначительны и не ослабляли того зла, на которое жаловалась императрица Анна, заимодавцы продолжали давать деньги за такие проценты, каких во всем свете не платили, и неудивительно, ибо страховая премия вследствие неудовлетворительного состояния правосудия не могла очень понизиться с 1733 года, да и количество капиталов не могло очень увеличиться. 7 мая 1753 года императрица Елисавета велела Сенату для

уменьшения во всем государстве процентных денег учредить Государственный банк из казенной суммы для дворянства, приняв все предосторожности, чтоб деньги могли быть надежны к возвращению. Так как Сенату было известно, что деньги отдаются в проценты из Адмиралтейской коллегии, из Главного комиссариата, из канцелярии Главной артиллерии и фортификации и из Монетной канцелярии, то он прежде всего велел этим местам подать ведомости, по скольку в год отдается денег из казны взаймы, из каких именно доходов, по каким указам, по скольку берется в год процентов, каким чинам раздаются деньги и что берется в заклад.

В описываемом году Сенат разрешил любопытный расход: выдано было 3000 ефимков ревельскому почтмемстеру Гофману, который бил челом, что дед его Фирштен разорился, давая взаймы деньги содержавшемуся в Ревеле в плену фельдмаршалу герцогу фон Кроа, проигравшему Нарвскую битву. Сенат потребовал справок у Иностранной коллегии, которая представила переводы с писем фон Кроа к Петру Великому, Меншикову и другим; между прочим, в одном письме говорилось: "О случае под Нарвою герцог не ведал, пока под самым окопом были (шведы); Шереметев никакой ведомости не принес, как что чинится; а как шведы пришли, то ушел он с своею конницею и не пришел до боя: что ж мог герцог вяще чинить, когда все солдаты поушли".

Сделан был другого рода расход: выдано было 30000 р. графу Петру Ив. Шувалову за изыскание способа к умножению кабацких и соляных доходов. Неутомимый сенатор не успокаивался. В заседании 16 марта он говорил своим товарищам, что еще 7 сентября прошлого года подал в Сенат письменное предложение о пошлинах, собираемых с продажного крестьянами хлеба и другого их изделия, о собирании с них мостовщины и о прочем, причем показано, какие крестьянство терпит от него обиды; предлагалось все это обдумать и сделать другое положение, чтобы крестьянство могло получить облегчение и освободиться от обид, для чего и ведомости собраны. Так не соизволит ли Прав. Сенат теперь приступить к рассуждению, чтоб уничтожить все внутренние сборы в таможенных и канцеляриях, усилив портовые и пограничные таможенные сборы, отчего произойдут такие полезные следствия: чрез уничтожение множества сборов народ освободится от излишнего отягощения и задержек; во все внутренние таможи и к канцелярским сборам определяется большое число купцов, которые во время бытности у сборов не имеют возможности заниматься своею торговлею; благодаря этим сборам происходят во всех местах продолжительные счета, отчего многие люди несут крайние убытки и разорения, начинаются следствия и многие держатся под караулом. Сенат приказал сделать краткую ведомость о сборах. 23 июля Шувалов объявил, что он на время уволен императрицею от присутствия в Сенате для излечения болезни и хочет употребить это время на пересмотр известий о таможенных доходах, и потому просил, если какие известия присланы в Сенат, то отправить их к нему. Сенат согласился.

18 августа Шувалов сообщил Сенату результаты своей работы над таможенными известиями. Разного звания внутренних сборов по пятилетней сложности 903537 рублей, из таможен пограничных привозится и вывозится товаров на 8911981 рубль; если сумму 903537 рублей разложим на означенный товар, то придется на рубль положить по 10 коп. $\frac{1}{8}$ с дробями; если с привозных и отвозных товаров брать по 13 копеек с рубля, то придет сверх желаемой суммы 255020 рублей. "Через сей способ, - писал Шувалов, - неописанное зло и бедство, которое происходит крестьянству и купечеству так и многим, конец свой возьмет, ибо ежели себе токмо представим приметки и грабеж, который от сборщиков бывает в разных случаях и обстоятельствах, то довольно уверяет тех бедств и зла пресечение, не токмо неповинных, кои с правдою страждут, но и самых злодеев, склонных и привычных к тому, от погибели их за неимением случая произвестъ зла по склонности его избавляет, разве на другое какое зло обращение иметь будет, то погибнет. Сколько ж освободятся все места от умноженных бумаг, следствий бесконечных, а судьи, хотя иногда иные и не с умыслу, от непорядочных приговоров, а тем от штрафов и наказания освободятся ж, и самому Сенату великое число умаления дел последует, которое весьма нужно. Главная государственная сила состоит в народе, положенном в подушный оклад. В таком случае уже самая необходимость оный народ на план рассуждения (возводить?), ибо представить и прилежно рассмотреть (должно), дабы чрез что-либо не пришел в крайнюю слабость, отчего и нынешнее его состояние рушиться может; когда же сей народ облегчен будет в разных его обстоятельствах, а особливо отнять бы те случаи, которые от сборщиков бесчеловечными поступками при сборах с крайним отягощением и разорением бывают, то он действительно много в сильнейшее состояние придет, что ж (чем) более в состоянии будет, то неоспоримо сугубая сила во время надобности готова. Примеры: надлежит взять пошлин полушка или деньга, а целовальники берут вместо полушки деньгу, а за деньгу три полушки или копейку, да и в дробях расчислить не можно, а буде давать не станут, то снимают шапки и отбирают рукавицы и опояски. Крестьянин везет на продажу от Троицы в Москву воз дров, за который возьмет 15 или 20 копеек, и из того числа заплатит в Москве пошлины, в оба конца мостовые, да себя с лошадью будет содержать, и затем едва ли привезет домой половину, а в зимнее время будет платить еще пролубное".

Выслушавши это предложение, Сенат приказал: подать ее импер. величеству доклад с представлением, что Сенат то его, г. сенатора, представление во всем за наиболее полезное признает и труд сего государственного дела без похвалы оставить не может, и для того бы оно начать собирать января с 1 числа 1754 года и о том заблаговременно публиковать. 18 декабря императрица утвердила доклад Сената об уничтожении внутренних таможенных и всех *семнадцати* мелочных сборов; товары должны были оплачиваться в одних портовых и пограничных таможенных по 13 копеек с рубля вместо прежних 5 копеек. Так произошло одно из важнейших явлений в русской жизни. Русская земля

была давно собрана, но внутренние таможи разрывали ее на множество отдельных стран; уничтожением внутренних таможен Елисаветою заканчивалось дело, начатое Иваном Калитою.

В то время как Петр Ив. Шувалов проводил в Сенате дело об уничтожении внутренних таможен, генерал-прокурор князь Трубецкой хлопотал о поддержании и усилении шелковых фабрик. По его предложению Сенат запретил пропускать из Астрахани шелк за границу, потому что русские шелковые фабрики терпят в нем недостаток. Мануфактур-коллегия представила, что разными купцами привезено шелку в Москву 1306 пуд, а от шелковых фабрикантов объявлено, что им в год шелку-сырцу надобно 1387 пуд, а теперь у них налицо 338 пуд; поэтому привозимый астраханскими мещанами и персидскими армянами шелк, сколько по подпискам фабрикантов нужно, купить весь, часть денег заплатить, собравши с фабрикантов, остальное выдать из казны, ибо фабриканты всего шелку за готовые деньги купить не могут, после чего фабрикантам брать шелк из казны, сколько кому и когда потребно будет, за готовые деньги, а не в долг. Сенат согласился. Потом Мануфактур-коллегия донесла Сенату, что на шелковых фабриках в рисовальных и красильных мастерах немалая нужда, ибо имеющиеся рисовальщики сочиняют рисунки только с вывозных из-за моря образцов, а сами без образца рисунка сочинить не могут; не приказано ли будет мануфактуры действительными мастерами удовольствоваться, отчего государству была бы слава, а фабрикантам польза, выбравши из находящихся в школах учеников четыре человека, способных к рисованию, послать их для изучения рисовального и красильного мастерства в иностранные государства на казенный счет. Последний пункт не понравился Сенату; он приказал: Мануфактур-коллегии призвать фабрикантов и объявить, чтоб они выписывали мастеров из иностранных государств сами на свой счет.

Шелковые фабрики нуждались в иностранных рисовальщиках и красильщиках; но были фабрики, которые доставляли вещи, неизвестные в Европе. "Петербургские Ведомости" печатали известия из Москвы, что Троицких медных заводов содержатель и фабрикант Алексей Турчанинов представлен был императрице с произведениями этих заводов: металлическими сосудами и разными вещами голубого, пурпурового, малинового, зеленоватого и померанцевого цветов, которых в Европе доньше не видано. Ее величество за такие усердные в пользу отечества труды и достохвальное искусство пожаловала Турчанинова в титулярные советники. В то же время вошли в моду фарфоровые табакерки в виде запечатанного пакета с адресом. Берг-мейстер Виноградов объявил в ведомостях всем знатным особам, а особливо придворным обою пола, которые желают иметь такие табакерки, присылать в Петербург к советнику Монетной канцелярии Шлаттеру формуляры, какую кто хочет подпись и на каком языке; цена за табакерку с надписью, кроме обделки, 20 рублей.

На восточной Украине, в новой Оренбургской губернии, богатой рудами, определено казенных железных и медных заводов не заводить, а стараться, чтоб эти заводы размножались одними частными людьми. Устроитель этого края Неплюев после донесений о сильном ходе торговли в Оренбурге должен был прислать жалобу, что этой торговле начинает грозить опасность, и именно от русских купцов, которые, по его словам, по своему легкомыслию приводят торг в упадок, обманывая азиатцев товарами; Неплюев просил Сенат, чтоб купцы не давали торговать своим именем пахотным татарам, крестьянам и подлому купечеству и подложно не называли их своими прикащиками. Неплюев деятельно очищал вверенную ему область и от другого рода лихих людей: он послал команду по Иргизу и другим речкам по Самарской степи; посланные переловили воров, разбойников, раскольников и других *причинных* людей 484 человека мужского и женского пола, пристанища были все разорены и сожжены; сопротивления при поимке ни от кого не было показано.

На Дону со времен Петра Великого было спокойно. Старый атаман Данила Ефремов, опираясь на милость правительства, управлял самовластно войском, хотя его управление и не всем в войске нравилось, что видно из доноса, поданного на него старшиною Серебряковым. Войско Донское, писал Серебряков, пришло в наихудшее состояние и крайнее разорение от наглого нападения, неутолимого лакомства и нестерпимого насилия атамана Данилы Ефремова. Посылаемые от него старшины и прочие его люди вверх по Дону, Донцу, Медведице, Хопру, Бузулуку и во всех станицах делают великие притеснения, станичных атаманов и козаков немилосердно бьют понапрасну и берут большие деньги, которые делят с атаманом, отчего почти все станицы сильно задолжали, бедные козаки принуждены юрты свои, сенокосы и прочие уголья заложить у старшин с большими процентами и горько все плачут, не имея ниоткуда защиты. Старшины не только имение, но и законных жен у бедных козаков отнимают. Жалованья государева присылается на все Войско Донское ежегодно по 7000 рублей да хлеба по 7000 четвертей; из этой присылки атаман раздает по малому количеству хлеба, и то на половину войска, а 56 станицам ни денежного, ни хлебного жалованья не производит. Рыбные ловли атаман у козаков отнял и отдает от себя на откуп за большие деньги; лавки, где съестные припасы продаются, у всех отнял и продает припасы, какую ценою хочет. От его злобы двое старшин, Котлюбанцев и Фальчинский, с Дону бежали неведомо куда. Атаман отдает кабаки откупщикам. Сын его Степан Ефремов, наказной атаман, атамана Терского в тюрьме уморил, и от этого страха восемь человек козаков на Кубань ушли; да он же, Степан, с женою развелся безо всякой вины и женился на другой, а первая его жена пропала. Почти во всех станицах беглых бурлаков умножилось до несколько тысяч, и атаман дает им паспорта. Ежегодно в верховых станицах козаки заготавливают множество леса и водою сплавляют до Черкаска под предлогом, что тот лес надобен на городское строение; но атаман употребляет его на свои постройки. Атаман войсковых старшин в тюрьму и на цепи сажает, и морит безвинно, и

старшинство отнимает, а других сын его бьет смертельно. Атаман и сын его постов не содержат и над постящимися явно ругаются.

Данила Ефремов за старостью отказался от атаманства; императрица уволила его, но на его место назначила сына его Степана. "А также, - сказано в указе, - Данила Ефремов, сам желая ее импер. величеству услугу показывать, представил себя в случаях, бываемых по донскому пограничному месту, против неприятеля Войском Донским командовать и во всяких нужных приключениях распоряжения чинить, и для того ее импер. величество, видя его в воинских и пограничных делах искусство, которому должен он и сына своего Степана обучать, пожаловала его, Данилу Ефремова, за многие его и верные службы чином армейского генерал-майора, под которого команду, доколе он жив, должен быть сын его войсковой атаман Степан Ефремов со всем Войском Донским и в нужных делах по его ордерам и наставлениям поступать, и о всем им обще обстоятельно доносить Военной коллегии. Данилу Ефремову давать жалованье по чину генерал-майорскому с рационами и денщиками из воинской суммы, а для отправления секретных дел дать ему писаря и адъютанта, тако ж сто человек козаков из донских, кого он сам выберет".

Войсковой донской атаман подчинялся генерал-майору. Иная честь была гетману малороссийскому. Разумовский воспользовался пребыванием двора в Москве и уехал туда, надолго бросив скучную Малороссию. Генеральная старшина потянулась за ним; он представил ее императрице, и малороссияне были трактованы у публичного стола: старшина сидела между генерал-майорами, полковники ниже бригадиров, бунчуковые между подполковниками. Кроме этой чести, трудно сказать, что выигрывала Малороссия от восстановления гетманства.

Странная форма гетманского управления была уже анахронизмом; теснейшее сближение Малой России с Великою готовилось, как увидим, уничтожением внутренних таможен. Это знаменитое событие было на первом плане в конце 1753 и в начале 1754 года. В "С. - Петербургских Ведомостях" было напечатано из Москвы от 27 декабря: "От просвещенной ее импер. величества прозорливости не утаилось, что сущительный ее прибыток состоит в прибытке всех ее подданных. По сему премудрому рассмотрению всемилостивейше соизволила ее импер. величество пользе подвластного, к счастью своему, ей народа такие великие короны своей доходы посвятить, которые во все времена да и во всех, не исключая ни одного, государствах как справедливыми, так и весьма важными почитаются. Одним словом сказать, ее импер. величество изволила всякие внутренних пошлин сборы отставить и все внутренние таможи уничтожить, так что внутренне вся толь обширная сия империя вольным портом сделана. Возбужденная чрез то в народе радость так велика и приметна была, что Сенат обойтись не мог всенижайшее свое и должное за толикие благодеяния благодарение ее импер. величеству засвидетельствовать. Почему в навечерие праздника Рождества Спасителя

нашего по окончании в придворной церкви Божией службы канцлер как старший сенатор обще со всеми другими именем Сената и всего обрадованного и одолженного народа оное ее импер. величеству всеподданнейше и приносили, на которое ее импер. величество всемилостивейше соизволила сама в ответ сказать, что ее величеству всегда ко особливой радости и удовольствию служить возможность пользы своих подданных, хотя б то и с собственным ее убытком было, поспешествовать".

23 января 1754 года купцы благодарили императрицу за уничтожение внутренних таможен; они явились под предводительством магистратского обер-президента Зиновьева и поднесли Елисавете алмаз в 56 крат ценю в 53000 рублей, 10000 червонных да рублевою монетою 50000 рублей.

Канцлер Бестужев в челе Сената благодарил императрицу за уничтожение внутренних таможен. Можно догадываться, с какими чувствами благодарил он за приведение в исполнение проекта врага своего графа Петра Шувалова, проекта, благодетельности которого оспаривать было нельзя. Страх пред усиливающимся враждебным влиянием Шуваловых заставил Бестужева с восторгом пойти навстречу великой княгине Екатерине Алексеевне; будучи также не в ладах с Шуваловыми и Воронцовыми, она сделала первый шаг к сближению с канцлером, который с самого приезда ее в Россию до сих пор был в ее глазах заклятым врагом ее и ее родных; вражда немедленно же превратилась в самые приятные отношения, причем Бестужев с самого начала стал оказывать великой княгине услуги советом и делом.

Эти новые отношения не изменяли нисколько политической системы канцлера, которая по-прежнему состояла в том, чтоб не допускать опасного соседа, прусского короля, усиливаться и, окружая его цепью союзов, быть наготове при первом благоприятном случае "сократить его силы", как тогда выражались.

От 15 марта Кейзерлинг из Вены донес своему двору о конференции, которая у него была с придворным и государственным канцлером графом Улефельдом, имперским вице-канцлером графом Коллоредо и государственным секретарем Бартенштейном. Изъяснения австрийских министров состояли в следующих пунктах: 1) уже несколько лет известно в Вене о видах Франции относительно возведения на польский престол принца Конти, что и было сообщено отсюда от времени до времени союзным дворам. 2) Представлены интриги, которые были производимы и еще производятся французскими министрами в Польше Дезисаром Брольи, Кастерою; также какие меры были приняты с французской, прусской и шведской сторон для разорвания последнего сейма. 3) Упомянуто было об участии короля прусского во французских видах относительно польской короны, о тесном его обязательстве с Франциею, об опасности, которою грозит городу Данцигу прусское соседство. 4) Открыто, что коронный

маршал Белинский, палатин равский Яблоновский и госпожа Казановская, происходящая из фамилии Потоцких, служат главными орудиями французского двора; что корреспонденция с Константинополем производится посредством господарши молдавской; что Брولى хвастает составлением большой партии из мелкого шляхетства; что о намерении Конти и в самой Франции известно очень немногим из министерства, в Константинополе никому, а в Польше главнейшим приверженцам, что Франция раздает в Польше большие денежные суммы: палатин равский один получил 100000 ливров. 5) Из всего этого вытекает необходимость для обоих императорских дворов и союзников их постановить меры для охранения безопасности каждого, чтоб первое обнаружение враждебных замыслов нашло готовое сопротивление.

Донося об этих представлениях венского двора, Кейзерлинг настаивал с своей стороны на опасность, которая будет грозить России, если Франции удастся сделать своего принца польским королем, не говоря уже о ее союзниках, из которых один вздыхает о возвращении потерянных владений (Швеция), а другой помышляет о новых завоеваниях (Пруссия), и каждый имеет свою роль в плане о короне польской. В апреле Кейзерлинг дал знать о важной перемене в личном составе министерства императрицы-королевы: вместо графа Улефельда Мария-Терезия назначила канцлером графа Кауница Ритберга, причем Кейзерлинг писал: "Сколько я из прежнего моего знакомства с графом Кауницом мог его узнать, могу с похвалою отнести о его благонамеренности, благоприличии и правдивости; поэтому надеюсь, что перемена принесет здешним делам более пользы, чем ущерб, а другие, знающие Кауница лучше меня, думают таким же образом".

Иначе отозвался из Дрездена Гросс о тамошней перемене; от 1 марта он сообщал своему двору о размолвке Брюля с Чарторыйскими в таких выражениях: "Жаль, что граф Брюль отменил прежнюю доверенность к князьям Чарторыйским, которые всегда подавали двору благонамеренные советы; причина та, что канцлер литовский отрекся приложить печать к королевской привилегии об уступке какого-то старства, признавая эту привилегию противозаконною; первый министр сам мне говорил об этом с сильным раздражением против канцлера, и я с надежной стороны уведомлен, что он намерен теперь опираться главным образом на зятя своего графа Мнишка, на коронного крайчего, на гетманов коронного и литовского и на других завистников дома Чарторыйских; но так как эти князья и друзья их имеют гораздо более кредита в народе и превосходят своих соперников благоразумием, *то более желательно, чем уповательно*, чтоб эта перемена королю и дому саксонскому была полезна". Перемена, бесполезная королю и дому саксонскому, ставила и русский кабинет в затруднительное положение: с одной стороны, в общих видах русской политики надобно было поддерживать дружбу с королем, втягивать его в теснейший союз, а для этого надобно было ласкать могущественного Брюля; с другой стороны, нельзя было отстраниться от

Чарторыйских, которые признавались главами русской партии и были очень нужны для русских интересов в Польше. Эти интересы были прежние.

Гросс должен был подать самому королю представление, что жалобы исповедующих греко-русскую веру в Литве день ото дня умножаются, а представления королевского министерства не производят никакого действия; епископ самогитский завладел Зелецким монастырем, выставив причину, что монахи не старались об исправном содержании монастыря, хотя всем было известно, что тот же епископ никогда не дозволял никаких починок в монастыре; униатский митрополит, живущий в Полоцке, отнял у русских в Кричеве три церкви и монастырь Соломерецкий; епископ виленский не позволяет строить и чинить Заблудовскую, Борисовскую и прочие церкви, также Тупичевский монастырь в Мстиславле; по наущению духовенства литовский великий маршал, будучи старостою в Борисове, послал приказ своему управляющему, чтоб тот тяжкими денежными налогами и телесными наказаниями принуждал русских жителей к принятию унии, с угрозою, что ослушники будут выгнаны из города. В ответ на это представление граф Брюль и польский подканцлер объявили Гроссу, что король приказал изготовить рескрипт к канцлеру литовскому, где строго будет приказано оставить русских в покое относительно церквей и привилегий по силе договоров и ни под каким предлогом не препятствовать им починять свои церкви; рескрипт будет за королевскою подписью. Потом подканцлер коронный дал знать Гроссу о показании литовского маршала Огинского, что Борисоглебская церковь взята в унию по добровольному согласию всех русских обывателей и самого священника; поэтому король решил для открытия истины составить комиссию, в которой должен быть знатный член и из греко-русского духовенства, например архиерей белорусский. По мнению Гросса, эта комиссия могла быть полезна: католики не посмеют так часто принуждать православных к унии под тем предлогом, что последние сами того хотят. Но белорусский архиерей был противного мнения; он утверждал, что от комиссии никакого добра не будет, и требовал, чтоб она была оставлена. "Поэтому я намерен, - писал Гросс, - на время не отзываться более о комиссии, уповая, что ваше величество благоволите меня наставить, если найдете нужным, чтоб я другим образом поступил, хотя истинно жаль, что обиженным вашим единоверцам в Польше так долго в претерпеваемых утеснениях по причине ограниченной королевской власти и шиканства их соперников невозможно доставить облегчения. Из представленных поляками оправданий с сожалением усмотреть можно, что приступление к унии церквей самим непостоянным в своей вере попам приписать должно. Почему необходимо при оставшихся в Польше и Литве греко-русских церквах определять священников искусных, смиренных и в благочестии твердых, иначе надобно опасаться, что мало-помалу греко-русская религия там совсем искоренится".

Из Москвы Гросс получил ответ, что старания его в пользу единоверных людей всемиловейше апробуются и что назначение комиссии очень приятно императрице, особенно если она будет поручена беспристрастным людям, иначе по известной у римского духовенства ревности к истреблению греко-российской веры, а у шляхетства злобной ненависти православные едва ли получат какую-нибудь пользу от этой комиссии. Гроссу предписывалось приложить еще ревностное старание в пользу единоверных, причем доставлено ему следующее сообщение Св. Синода в Иностранную коллегию: белорусский епископ Иероним дал знать Синоду, что в его епархии гонения на православие производятся в таких обширных размерах, что православных церквей остается уже немного; ни погорелых, ни обветшалых строить и чинить не позволяют; светские владельцы в своих имениях не дают ставленникам грамот на посвящение к церквям; в самой экономии Могилевской королевским универсалом запрещено их посвящать для скорейшего истребления православной веры; в Борисове староста Огинский построил на свой счет униатскую церковь, и замковые солдаты побоями гонят в нее православных; виленский епископ по всей Белой Руси выдал запрещения нигде новых православных церквей не строить и обветшавших не чинить.

Между тем по просьбе английского посланника Уильямса была между ним и графом Брюлем конференция в присутствии Гросса. Уильямс открыл конференцию объявлением, что королю его со стороны саксонского двора внушено, чтоб он постарался о доставлении польского престола наследному принцу саксонскому; он, Уильямс, должен поставить следующие относящиеся к делу вопросы: 1) для возведения на престол наследного принца дожидаться ли кончины королевской или попытаться при жизни его величества насчет назначения старшего сына его наследником? 2) Какие до сих пор сделаны по этому вопросу домогательства у обоих императорских дворов и какие получены от них ответы? 3) Можно ли без явного ниспровержения польской конституции приступить к назначению наследника? 4) Какими способами можно достигнуть этой цели и каким образом отдалить все препятствия, внутренние и внешние?

Граф Брюль отвечал, что относительно расположения императорских дворов слегка осведомлялись и получены ответы, что они с удовольствием видели бы польский престол в саксонском доме. Присутствовавший в конференции граф Мнишек прибавил, что вследствие крайней зависти между польскими фамилиями нельзя надеяться доставить корону кому-нибудь из поляков и по исключении французско-пруссских креатур остается один наследный принц саксонский, который мог бы быть приятен и со временем полезен королевским союзникам. Брюль продолжал, что, без сомнения, гораздо легче успеть в избрании наследного принца при жизни королевской, чем по смерти: если король умрет прежде назначения преемника, то война неизбежна, и война жестокая, потому что вредные виды прусского короля, согласные с французскими, явны, а сила его более

прежнего грозна Польше, ибо он, владея Силезиею, приобрел средства с разных сторон утеснять республику и отрезать от нее саксонское войско. Если же при жизни королевской назначен будет преемник, то сомнительно, будет ли война: теперь все европейские державы живут в мире, нарушить который каждая опасается. Франция еще утомлена и истощена последнею войною, флота еще не восстановила, и странно, если бы она явно стала сопротивляться назначению родного брата своей дофины; при жизни настоящего султана турецкого также нельзя опасаться движения со стороны Порты, следовательно, чем скорее принимать меры к назначению преемника польской короны, тем лучше. Правда, по пактам, конвентам королю не позволено предлагать себе преемника; но республика, которая постановила закон, может его и уничтожить для спасения отечества, которое при наступающем междуцарствии подверглось бы разорению и, быть может, было бы и поделено между чужими державами. Гросс заметил на это, что в конституции 1631 года объявлен изменником тот, кто при жизни короля предложит ему преемника: так найдется ли кто из членов республики, который бы посмел начать речь о преемнике. Брюль отвечал, что лучше всего, если бы министры союзных держав на сейме испросили себе публичную аудиенцию и от имени своих государей присоветовали назначить преемника. Надобно, чтобы прежде всего дворы русский, венский и великобританский в глубочайшей тайне согласились относительно необходимых мер, которые должны состоять в том, чтоб прежде собрания сейма русская императрица собрала на лифляндских границах 60000 войска да подле Киева 40000: то же бы сделала императрица-королева на границах силезских, а король английский приготовил эскадру, чтоб препятствовать в случае нужды французским и шведским транспортам. При этих мерах король польский внутри королевства чрез своих приверженцев будет ободрять благонамеренных людей и стараться, чтоб только такие были избраны на сеймиках в депутаты на сейм, разрывая сеймики, на которых можно было бы опасаться противного. При открытии сейма король главным образом будет домогаться, чтоб в маршалы был избран человек надежный и притом приятный своим землякам. Главное дело маршала будет состоять в том, что если дело нельзя будет провести единогласием, то он должен обыкновенный сейм переменить в сейм конфедерации при короле, называемый циркамаестатом; так как на этом сейме решение происходит по большинству голосов, то избрание преемника королю может совершиться в один день. Дело будет сделано прежде, чем короли французский и прусский о нем узнают; если же они задумают составить реконфедерацию, то союзникам надобно уговориться, какие меры принять к ее ослаблению.

Гросс не ждал добра от движений графа Мнишка, зятя Брюлева, который мимо Чарторыйских старался составить новую придворную партию, включая в нее и Потоцких. "Потоцкие часто его обманывают, - писал Гросс, - таким образом, он прежних друзей королевских потеряет или заставит пребывать во вредном бездействии, а новых надежных друзей в

таких людях, которые издавна привыкли королевской воле сопротивляться и поступать по французским внушениям, не найдет. Мнишек непременно хочет быть главою партии и притеснять тех, которые не вступают в его виды. Я сам был свидетелем, что когда недавно великий подскарбий литовский граф Флемминг находился здесь, в Дрездене, и граф Мнишек прямо предложил ему отстать от Чарторыйских и когда Флемминг не согласился, то после этого его стали принимать при дворе с явною холодностью. Поэтому я опасаюсь, что если поведение Брюля и Мнишка не переменится по возвращении короля в Варшаву, то князья Чарторыйские с своими друзьями, чтоб показать двору силу свою в королевстве, если не явно, то под рукою станут сопротивляться двору; я должен засвидетельствовать, что князья Чарторыйские и преданные им вельможи - люди самые умные и относительно европейской системы самые доброжелательные да, сверх того, самые богатые в Польше, тогда как приставшие к графу Мнишку гетманы коронный и литовский да подканцлер и крайний коронные, подобно самому Мнишку, люди среднего ума, а воеводы смоленский и бельский с крайчим коронным издавна преданы Франции и Пруссии".

В начале ноября Гросс получил от своего двора рескрипт, в котором говорилось, что Кейзерлингу в Вену послано приказание вытребовать от тамошнего двора тайное обязательство такого рода: если прусский король нападет на Саксонию или Ганновер, то Австрия вместе с Россией немедленно же подадут помощь подвергшейся нападению стране; Гросс должен вытребовать такое же тайное обязательство у дрезденского двора, что в случае нападения прусского короля на Ганновер Саксония будет действовать против Пруссии вместе с Россией и Австриею. Когда Гросс сделал это предложение графу Брюлю, тот отвечал, что хотя нельзя довольно восхвалить императрицу за попечение об общем интересе союзников, однако у Саксонии с Пруссиею только что заключена конвенция относительно прежних споров и потому нельзя ожидать со стороны прусского короля скорого нападения; также, пока английский парламент не понудит своего короля употребить меры против прусского короля за удержание английских капиталов на Силезию, нельзя ожидать нападения Фридриха II на Ганновер. Это нападение сомнительно и потому, что Франция страдает недостатком денег, несогласием министров и опасною ссорю духовенства с парламентами, следовательно, не в состоянии начать войну, а без ее помощи невероятно, чтоб король прусский отважился нарушить мир. Притом из рескриптов императрицы к Кейзерлингу и к нему, Гроссу, не видно, обязался ли король английский, как курфюрст ганноверский, помогать Саксонии в случае нападения на нее: саксонскому двору надобно об этом знать, прежде чем давать обязательство с своей стороны; кроме того, надобно знать, какой ответ получится от венского двора. Если бы генеральный оборонительный союз между обоими императорскими дворами, Великобританиею, Голландиею, Ганновером и Саксониею был заключен, по которому эти дворы для сохранения общей тишины обязались бы действовать всеми своими силами

против нарушителя ее, кто бы он ни был, то в частных тайных обязательствах нужды бы не было. Дрезденский двор просит императрицу все милостивейше принять в уважение, что если б в нынешних обстоятельствах, когда у Саксонии с Пруссией конвенция, когда между Ганновером и Саксонией никаких обязательств нет, прусский король проведет бы каким-нибудь образом (а он хвастает, что ему известны самые тайные происшествия при русском дворе) о данном здешним двором обязательстве в пользу Ганновера, то это подало бы ему случай немедленно напасть на Саксонию, нищую деньгами, войском и крепостями, и разорить ее вконец, тем более что он уже раз объявил, что в случае начатия войны его интерес требует прежде всего привести Саксонию в бездействие.

"Но в таком случае, - возразил Гросс, - в силу тех самых обязательств, о которых идет речь, Саксония будет защищена обоими императорскими дворами и большей для себя безопасности никогда ожидать не может; да и никак нельзя опасаться, чтоб прусский король узнал как-нибудь тайну соглашения". Несмотря, однако, на эти возражения, Брюль остался при своем: впрочем, Гросс писал своему двору, что если венский и ганноверский дворы согласятся дать эти обязательства, то и саксонский легче будет уговаривать.

Отношения шведские, видимо, отходили на второй план. Панин писал из Стокгольма, что продолжительное пребывание в увеселительном дворце Ульрихсдале еще более благоприятствует удалению королевскому от дел, а королева, видя, что ее нежность и красота наводят уныние, упражняется изо всех сил в выдумывании разных забав, чтоб хотя ими сохранить сердце и доверие короля. Так как слабость здоровья не позволяет ей участвовать в охоте и других забавах короля, сопровождать его всюду, то она теперь пристрастилась к музыке, которой прежде терпеть не могла, и во дворце с утра до вечера концерты: королева играет на *клавицимбалах*, а король - на скрипачном басы. Хотя граф Тессин и не может участвовать в придворных концертах, однако правление остается в руках господствующей партии, и король, чувствуя свою беспомощность, скрывая внутреннее неудовольствие, преклоняется пред сенаторами, преданными Франции. Кроме того, лучшие приверженцы короля разъехались по своим местам и около него никого нет, кроме скоморохов и лукавых друзей; среди них майор Ливен, руководимый своею сестрою, упражняется в одном: чтоб сделать свои услуги драгоценными французскому послу и его шайке. Панин должен был признаться, что пока влияние королевы велико; она ласкала патриотов, надеясь с их помощью усилить власть королевскую; но с другой стороны, внушала королю, что это люди неспособные и не могут идти в сравнение с сенаторами французской партии, чрезвычайно искусными в политических делах, отчего король остается во всегдашнем недоумении и потому слабости и, сколько возможно, удаляется от государственных дел, что, впрочем, соответствует и его природе, ибо ни в каком великом предприятии не может найти себе столько удовольствия, как в ничтожных солдатских подробностях; когда он приезжает в

Стокгольм для присутствия в Сенате, то, остановясь в своих покоях, употребляет много времени на рассматривание солдатских мелочей своей роты и потом, зашедши в Сенат на полчаса, с поспешностью возвращается к супруге.

В июне Панин писал: "Члены придворной партии стараются склонить короля к перемене системы, чему начальным основанием поставляют возобновление добрых отношений с Англиею, они употребляют все способы, чтоб король сделал об этом предложение в Сенате; король много раз им это обещал, но природная вялость не допустила исполнить обещание, а между сенаторами придворная партия не имеет никого, кто бы мог подать повод к королевскому предложению. Сенатор Левенгельм хотя согласен с придворною партией, но, будучи связан с нею одним честолюбием, не захочет сделать себя предметом ненависти версальского двора. Я, сколько приличие могло дозволить, старался подкреплять этого сенатора в пользу благонамеренных друзей: но теперь прозорливость заставляет от этого отдаляться, ибо тому другой год, как я не получаю никакого наставления о намерениях вашего величества, а дела после последнего сейма, конечно, совсем иной вид получили; их *молодое существо* требует, чтоб с ними поступали с крайнею осторожностью, как с нежными детьми". На это он получил рескрипт: "Мы на благоразумие ваше совершенную надежду полагаем, что вы при столь многочисленных разных в Швеции партиях ваше поведение так устроите, что оно характеру вашему и вашей особе честь и нашим интересам пользу приносить будет. Вам и без того уже довольно известно, что наши намерения главным образом в том состоят, чтоб между обоими дворами восстановить соседственную дружбу и доброе согласие и ничего противного тому по возможности не допускать и стараться содержать мир как собственно с шведским двором, так и вообще на всем Севере, к чему вы давно уже наставления от нас получили, которые остаются неотменными; поэтому вы не можете опасаться быть в чем-нибудь обвиненным, если будете поступать согласно с нашими намерениями; на всякий же случай посылать вам заблаговременно наставления нельзя. Желательно было бы, чтоб в Сенате был хотя один член, который бы подкреплял короля и его партию и действовал против французской системы, да чтоб при короле безотлучно находился человек, который бы внушал ему основательнейшие мысли; но способы для достижения этого отсюда вам предписаны быть не могут. В дальнейшее вам наставление можно написать одно: чтоб вы, не раздражая ни той, ни другой партии, зорко смотрели на все их интриги и происки и предостерегали наши интересы, которые состоят в соблюдении тишины на Севере и в неизменности шведской правительственной формы".

Панин указал на Левенгельма как на человека, способного играть означенную роль в Сенате, и на генерала Дюринга как на человека, который должен постоянно внушать королю добрые намерения; но так как оба они должны действовать согласно с русскими интересами, то

необходимо обоим им давать пенсии, именно: первому - в 1000 червонных, а графу Дюрингу - в полторы тысячи рублей.

Восстановление добрых отношений Швеции к Англии принималось в России как дело до высшей степени желанное, ибо дворы русский и английский сближались все теснее и теснее, что входило, как известно, в основание политики русского канцлера. От 20 июля граф Чернышев писал из Лондона: "В обыкновенную мою в прошлую среду бытность у герцога Ньюкестля как только он меня увидел, то спросил, имею ли я какое повеление от своего двора, и когда я ему отвечал, что нет, то он передразнил меня: "Нет, всегда нет, очень жаль! И наш посланник полковник Гюидикенс почти тоже нет к нам сюда по последней почте пишет: с некоторого времени нее письма его так между собою сходны, как будто скопированы одно с другого"". "Я, - продолжал Чернышев, - не был в состоянии ничего на это ответить, и так как другой материи для разговора не было, то вся конференция наша этим и кончилась, продолжаясь не более двух минут. Так как с некоторого времени все свидания мои с этим министром не были продолжительнее, то это меня не удивило; но я боюсь повреждения интересов вашего величества в том отношении, что сам герцог высказал мне свое мнение, будто я не пользуюсь доверием своего двора. ибо давно уже не представляю ему никаких сообщений не только относительно новых предложений лондонского двора о содержании русского войска на лифляндских границах, но и о других предметах". Предложение о содержании русского войска на лифляндских границах и о движении его в прусские владения в случае нападения Фридриха II на Ганновер было сделано Гюидикенсом 27 апреля; посланник изъявлял надежду, что императрица даст требуемую помощь, тем более что и венский двор согласен дать ее. 7 мая канцлер читал императрице по этому поводу свое *слабейшее* мнение: "Происшествие дел, к гремящей повсюду ее императорского величества славе, показало, колико прямое соблюдение европейского равновесия и тишины от ее повелений зависело, ибо, пока ее величество, так сказать, несколько индифферентным оком на раздиравшие Европу замешательства взирать изволила, все видели, что военное пламя лишь больше разгоралось и натуральные ее импер. величества союзники до последней крайности приходили. Франция гордилась даже и выслушать какие-либо предложения, кроме тех, кои она другим повелительно налагать хотела. Король прусский тем же самым временем вышел из пределов своей моры и, отхватя богатую и обширную Шлезию, но богатясь еще не меньше разорением и пограблением Саксонии, всем и наисильнейшим своим соседям тягостен и опасен сделался. Шведы хоть немощны, однако ж наполнялись замыслами, а особливо о восстановлении самодержавства. Напротив же того, сколь скоро соизволила ее импер. величество в европейские дела с большею силою вступить, поставя сперва за субсидии (которых в два года без мала миллион рублей чистыми деньгами в казну ее императ. величества получено кроме тех, что помощный корпус ходил) знатный обсервационный корпус войск и больше отправя потом и действительно другой на помощь морским державам: тотчас все состояние

европейских дел весьма другой вид получило. Король прусский не учинил уже такого ж в Богемии впадения, каким он в 1743 году Францию из лабиринта вывел и принца Карла из Эльзаса назад чрез Рейн перейти принудил. Франция, лишаясь чрез то действительной помощи сего сильнейшего и подлинно нужного ей помощника, а паче увидя поспешающий против ее морским державам на помощь корпус войск ее императ. величества, гораздо умереннейшими свои запросы сделала. Итак, помянутый корпус не ходил больше, как только чтоб славу оружия ее импер. величества по всей Европе разнести, ласкательный титул европейской миротворительницы монархине своей, возвращаясь назад, в дар посвятить и знатные суммы денег как с собою привезть, так и здесь отсутствием своим в казне ее императ. величества сберечь. Все сие признавает уже целый свет, и особливо ныне не признавать не может, когда дальнейшее дел происшествие подтвердило, что единственно мудрым ее императ. величества резолюциям приписывать надобно и дарованную на время Европе тишину, и покой, в котором король прусский сам остался и своих соседей оставил: Самыми настоящими делами оное доказывать нетрудно, но коротко и ясно сказать можно: что, как только начали в прошлом году из стоявших в Лифляндии войск убавку делать, король прусский тотчас поднялся саксонцев даже нападением угроживать: а как еще минушею зимою помянутая войск убавка и знатнейшею учинена, то, нимало затем не мешкав, завел он настоящую с Великобританиею распрю, угроживая притом атакованием Ганновера. Что он и действительно на сие поступить готов и в состоянии, оное само собою доказывается прежним и настоящим его поведением, предприимчивым, отважным и властолюбивым нравом, содержанием во всегдашней к походу готовности войск его да и самую почти надобностью упражнять их в военных трудах и подвигах, будучи число их так велико, что превосходит нужное к собственной его безопасности".

"Излишне бы толковать, коль вредительно интересам ее императ. величества усиление короля прусского. Всему свету знакомая история то показывает: дед и отец его, не имевши толиких сил поблизости к России, не гордиться и ссориться, но союза с нею искать принуждены были, следовательно, и сим союзом силы российские прирастали, по меньшей мере с той стороны опасаться нечего было. Напротив уже того, какая великая разность! Сей самый союзник, или по меньшей мере для России индифферентный, или же, лучше сказать, от нее зависевший, двор сделался ей таким соседом, который всех опаснее и толь больше, что, соединясь неразрывными и непременимыми интересами с Франциею, его всегдашним и натуральным России неприятелем, почитать должно. Лзя ли подумать, чтоб он от Франции отстал, когда ни та без него, ни он без нее устоять и себя сохранить не могут. Без Франции давно уже отняли б у него Шлезию назад; а и без него при переходе принца Карла за Рейн думать надобно, что в Акене заключенный мир иногда внутри Франции заключен был бы".

"Одним словом, чем сильнее он, тем нужнее Франции, тем больше союз его с нею тверд и тем более России он вредителен и опасен. Да таким быть он желает и ищет, правда, и действительно таким уже есть; но чтоб еще больше быть, то нет лучшего пути и способу, как разорение Ганновера. Область ему весьма сручная и смежная, с его стороны открытая и никаких крепостей не имущая, а напротив того, собою, а еще больше хранимым тамо великим короля аглинского сокровищем так богатая, что ежели он находящиеся в Ганновере со сто миллионов наличных денег схватит, то можно ему будет теми одними деньгами двадцать лет самую сильную войну производить. Куда б он тогда оружие свое ни обратил, оное равно и всегда интересам ее импер. величества вредительно и опасно, а толь больше, когда дальновидные его с Франциею замыслы уже довольно известны. Проекты их открыты и со всех сторон подтверждаются, чтоб принца Контия на польской престол возвести. Королю прусскому сие делать надобно; но станет ли он даром, не выговоря взаимных себе выгодностей? Курляндия его брату нечаятельно, чтоб довольным награждением показалась, и так, конечно, и польская Пруссия ему ж предопределяется. Каков он тогда России сосед будет, оное всякому судить оставляется; но к сохранению себя при сих преимуществах не надобно ли ему искать ближнего и достаточного союзника? Франция у него есть; но хороша она для венского двора; а от России, конечно, нужна им обоим, а ему больше Швеция. В союзе с ними она и находится, а к России по временам то явным, то внутренним, а всегда постоянным и злобным неприятелем есть. По сему непременно правилу, что всегда стараться надобно не токмо о сохранении, но и о усилении своего союзника, дабы он не в тягость, но полезен был, не станут ли они стараться Швеции потерянные и России уступленные провинции доставить? Ручаться в том никто не может, только бы конъюнктуры им хотя мало способными к тому показались. Когда ж им лучших и ждать, буде не тогда, как, разоря Ганновер, король прусский тамошним сокровищем набогатится! Вся Европа видела, что он ни шлезские великие доходы, ни с Саксонии содранные миллионы в клад не клал, но восемьюдесятью тысячами войска свои умножил, которые одними шлезскими доходами, сколько известно, содержатся".

"Что интересы и слава ее импер. величества неотменно требуют скорою помощью спасти и защищать такого союзника, который ей толь натурален и надобен, как король английский, оное само собою понятно, а особливо что подаваемая ему помощь всемерно столько ж для Ганновера важна, сколько для самой России ныне и для переду выгодна, когда токмо она с надлежащею поспешностью дана и негоциация до своего совершенства с крайним секретом производима будет. Почти ручаться можно, что сколь скоро заключаемая о сем конвенция ратификуется и отправленным указом о собрании войск в лагерь на лифляндских границах и о приготвлении к походу галер известною сделается, то, конечно, тотчас король прусский замыслы свои отставит и Ганновер также в покое пребудет, как, наконец, в последнюю войну Богемия и со всем войском обнаженная от него, однако

ж, в покое оставлена была, когда войска ее импер. величества на тех же лифляндских границах собраны находились. Так не славно ли будет для ее импер. величества, что одним движением ее войск разрушаются все противных дворов замыслы и сохраняются ее союзники; меньше ли притом полезно, когда за сие одно Англия пропорциональные субсидии платить станет? Пускай бы и действительно до того дошло, что король прусский Ганновер атакует и войскам ее импер. величества по силе заключенной о том конвенции в Пруссии диверсию сделать надобно будет, не усматривается и в том отнюдь никакого несходствия. Усердным и ревнительным генералам желанный доставится случай к оказанию и своего искусства, и храбрости; офицерство, которое и в последний поход друг пред другом наперерыв идти искало, радоваться ж будет случаю показать свои заслуги. Солдатство употребится в благородных, званию его пристойных упражнениях, в которых они все никогда довольно эксерцированы быть не могут".

Императрица, выслушав предложение Гюидикенса и министерское мнение, приказала: 1) так как венский двор имеет не меньше интереса в защищении Ганновера, как и здешний, и хотя английский министр предъясняет об обнадеживании со стороны венского двора, однако для лучшей надежности осведомиться в конференции с бароном Претлаком и английским министром, каким образом в этом деле венский двор хочет помогать английскому двору. 2) Так как выставленное на лифляндских границах войско может быть употреблено на диверсию в Пруссию, а на его место должно быть выставлено другое войско, то спросить у английского посланника, что его двор заплатит за это новое войско. 3) Потребовать внесения в договор, что если Пруссия, злобясь на Россию за помощь Ганноверу, нападет на нее, то Англия обязывается во все время войны платить России по миллиону голландских ефимков ежегодно, и если в то же время Швеция нападет на Россию, то Англия на помощь последней высылает свой флот; если же нападет одна Швеция, то Англия помогает России кораблями или деньгами. Началась пересылка проектов и контрпроектов конвенции. В Петербурге происходили конференции между русским канцлером и представителями Австрии и Англии по поводу Пруссии; на другом конце Европы, в Константинополе, происходили совещания представителей России, Австрии и Англии по поводу интриг французских. Французский посланник предложил Порте, чтоб она, во-1, договорилась с Франциею о мерах для защиты польской вольности и, во-2, возобновила союз с прусским королем; при этом француз выставил на вид опасность, какая грозит Порте от новых сербских поселений за Днепром. Последнее указание привело Обрезкова в большую тревогу: но он был успокоен ответом Порты, что она заботится о польской вольности и по некоторым причинам должна отложить заключение союза с Пруссиею.